

МЕТАФИЗИКА ТОЛЕРАНТНОСТИ

Мне уже приходилось писать и говорить о том, что попытки сформировать современный взгляд на толерантность ведут к пересмотру очень многих, прежде всего философских, представлений. Смысл понятия «толерантность» смещается и углубляется, поскольку оно оказывается в эпицентре изменений, охвативших разнообразные социальные взаимодействия — от межиндивидуальных контактов до цивилизационных столкновений. За этим понятием скрывается бездна вопросов о состоянии современных социальных форм, их регенерации или развитии, о способах мыслить эту ситуацию, о способности мышления измениться, чтобы остаться в ряду средств, контролирующих положение дел.

Толерантность в этом контексте оказывается методологической проблемой. Традиционный вопрос «*что есть толерантность?*» теряет смысл, поскольку толерантность не «*есть*» и поскольку она не есть «*что*»... Толерантность не является социальным «фактом» или социальной «вещью» в дюркгеймовском смысле. Непродуктивно ее рассматривать и как форму, встречающуюся в разных социальных типах отношений между людьми или в разных научных дисциплинах. Ее нельзя найти, обрести, присвоить. Нельзя накопить, сохранить, законсервировать. Вопрос о том, что такое толерантность, находится в зависимости от ответов на вопрос, кто, в каких условиях, какими средствами ее реализует. Конкретная *реализуемость, процессность, субъектность толерантности* предполагает отказ от натуралистических представлений о ней как о форме, которой можно при желании овладеть и, соответственно, использовать. Но это вместе с тем — и уход от метафизики абстрактно-общих определений бытия, социальных взаимодействий и человеческих качеств. Однако разрыва с метафизикой здесь нет, поскольку отказ от квазинатуралистических трактовок толерантности как твердой формы неявным образом указывает на некие нефизические или метафизические аспекты толерантнос-

ти: ее невещественность, непространственность, ненаблюдаемость, субъектность, неявное присутствие или отсутствие в поле социальных взаимодействий. Такое «нефизическое» бытование (и культивирование) толерантности заставляет задуматься об особой метафизике, сопутствующей реализуемости этого качества человеческих взаимодействий. Высказанные ранее соображения о динамике, процессности, конкретности толерантности позволяют, пока в предварительной форме, *говорить о метафизике, но метафизике, отличной от классических образцов*. Более того, эта перспектива указывает на то, что речь может идти не только о толерантности, но и о некой направленности рассмотрения социальных форм, о некой методологии, включающей сильные метафизические допущения, однако весьма отличные от метафизики классического типа¹.

Метафизика-динамика

Динамизация метафизики — так, наверное, можно назвать направленность преобразований, отразившихся на характере метафизики во второй половине XX столетия. Эта динамизация сказалась на разных уровнях понимания и применения метафизики².

Во-первых, отметим нараставший историзм в трактовке метафизики³. Он заключался не только в признании разных исторических форм метафизики, что, собственно, с точки зрения актуальной методологии, было достаточно банально. Он подчеркивал особую философскую значимость метафизики в мире, где позитивистский запрет на метафизику был далее невозможен из-за необходимости постоянного контакта с разнообразными «неклассическими» объектами, требующими преодоления рамок обычного опыта. Метафизика, таким образом, не только допускалась в человеческий опыт, но и становилась

---

¹ См.: Кемеров В. Е. Метафизика // Современный философский словарь. Лондон, 1998.

² См.: Кемеров В. Е. Метафизика-динамика // Вопросы философии. 1998. № 8.

³ См., например: Соболева М. Е. Возможна ли метафизика в эпоху постмодерна? К концепции трансцендентального прагматизма Карла-Отто Апелья // Вопросы философии. 2002. № 7.

необходимым условием его обновления и сохранения, условием его устойчивости, когда прежние формы его воспроизводства разрушались или оказывались неприменимыми.

Во-вторых, обратим внимание на «внутреннюю» динамику метафизики. Если прежде ее ядром были представления об универсальных структурах и характеристиках бытия, задававших некие устойчивые основы жизни и познания, то теперь сама идея устойчивости оказывается в контексте представлений об изменениях, сама устойчивость трактуется как устойчивость динамических и органических форм, как устойчивая возможность воспроизведения и преобразования.

Мы осознаем трудность вопроса *что есть толерантность*, когда не обнаруживаем ее в виде вещи, т. е. твердой формы, социальной структуры. Логика вещей отходит на второй план, люди не соотнобразуют свою логику с логикой вещей, более того, вещи все заметней зависят от логики человеческих взаимодействий. Форма этих взаимодействий то возникает, то пропадает, людям требуется значительное напряжение сил, чтобы сохранять форму или, точнее, формы воспроизводства своего бытия. Толерантность может рассматриваться как проблема события людей в ситуации, когда разрывы жесткой социальной формы или ее отсутствие требуют восполнения. Это восполнение не может возникнуть само собой, оно проявляется как некий *эффект* человеческой разделенной или совместной деятельности. Условия воспроизводства этого эффекта также не могут быть натуралистически зафиксированы. Тем не менее люди вынуждены постоянно возвращаться к этой практике, поскольку им необходимо кооперировать деятельность и поддерживать сохранность своего бытия.

Когда мы слышим об утрате здравого смысла, логики вещей, надежных структур опыта, надо, видимо, учитывать, что эти потери происходят не сами собой, а по ходу изменения людьми их «естественных» установок и жизненных траекторий, изменений особых, поскольку в деятельное освоение людьми структур бытия вовлекаются процессы, силы и формы, несоизмеримые со стандартами привычного опыта, классическими схемами натурализма и метафизики.

Метафизика многомерности

В плане рассмотрения толерантности существенную роль играют допущения относительной многомерности бытия, его познания и освоения. Абстрактные характеристики бытия, свойственные классике, конкретизируются (и преодолеваются) за счет допущений множественности и разнообразия форм, представленных в человеческом со-бытии и находящихся за его нынешними границами. Эта конкретизация многократно возрастает и усложняется, когда мы включаем в нее наши понятия о процессности бытия и, соответственно, — о динамике метафизики. Поле разнообразия бытия, которое мы фиксируем в данный момент, оказывается лишь пространственным срезом полифонического процесса. Возрастание метафизического напряжения, связанного с усмотрением полифонической процессности бытия, открывает нам, по сути, простой факт, что мы уже включены в этот процесс и вынуждены работать с его сложностью, а не спокойно пребывать в его абстрактной простоте.

Установление этого подкрепляет тезис об отсутствии изначально привилегированной методологической позиции, что в данном случае актуализирует задачу выявления и *сочетания разных измерений* бытия. В плане методологии это означает принципиальную нередуцируемость бытия и его познания к одному измерению, к одной картине, к одному субъекту. Эта нередуцируемость бытия часто служит поводом связывать многомерность бытия с возрастающим субъективизмом человеческой деятельности. Но из констатации многомерности может следовать совершенно иной вывод: сочетание разных отображений или измерений бытия может служить более осмысленному освоению бытия, дистанцированию от бытия и включению субъектов в бытие, более конкретной выраженности бытия во взаимодействиях субъектов.

В плане социально-онтологическом мы можем говорить о концепции полисубъектной социальности, трактующей *социальное бытие в плане его процессуальности*, как *воспроизводящийся результат взаимодействия различных субъектов*.

Концепция полисубъектной социальности предполагает, что индивидуальные субъекты через кооперацию различных и своеобразных сил создают всевозможные композиции общественных связей, где редукция индивидуального к общему является лишь од-

ной из форм кооперирования людей. Таким образом, *общее* может трактоваться не как результат сведения различий, а как связь между различиями, социальное, соответственно, — как *связь различных субъектов*. Режим существования такого общего отличен от форм осуществления абстрактно-общих социальных схем. И это — особая методологическая проблема. Во всяком случае, можно говорить, что этот режим не «схватывается» и не описывается в натуралистических и абстрактно-метафизических схемах классики и в сохраняющих родственные им черты схемах социального и коммуникативного действия второй половины XX в.⁴

Метафизика и проблема другого

Большинство концепций социального (коммуникативного) действия (взаимодействия), пришедших во второй половине XX столетия на смену натуралистическим социальным теориям (догматическому марксизму, структурализму, функционализму), так или иначе связано с феноменологической методологией фиксации и характеристики *другого*. Воспроизводящийся в социальном действии (взаимодействии) образ другого, своего рода стабилизатор этого действия, определяет возможные функции, роли, ориентации, как норма и мера, протраивает перспективу поведения индивидов. Другой неявно заранее определен по отношению к обобщенному человеком представлению о себе, о социальности, о норме и т. д. Говоря языком немецкой классики, тут речь идет, по сути, о *своем-другом*. Формы определения другого заданы, хотя они могут существовать неявно, до и вне теоретических квалификаций. Примером служит традиционная культур-философская трактовка темы и *сама тема* Востока и Запада. Именно эта тема часто привлекается для иллюстраций толерантного диалога между культурами. Ловушка же заключается в том, что сама форма диалога (и вы-

---

⁴ Здесь мы имеем дело с актуальной проблемой взаимодействия «равно-различных» (слово М. Геггера) субъектов, где общность, социальность, связь не обусловлены логикой и методологией редукционизма. Но сама эта связь — как результат и последующая предпосылка равноразличности — предполагает переосмысление классических представлений об общности, накрепко сросшихся с научным и обыденным мышлением.

работки толерантности) задана до диалога, в одностороннем порядке. Характеристика различий, инаковости другого здесь не есть элемент *процесса* взаимодействия, а есть одна из исходных установок. В результате один из партнеров не знает, что предполагаемый другой есть некая множественность, а определяемый не подозревает о том обобщенном облачении, в котором он рассматривается как партнер в диалоге.

Мы любим то, о чем никогда не узнаем; то, что потеряно.
Кварталы, которые раньше были окраинами.
...Восток, несомненно, не существующий для афганца,
перса и турка.

Х. Л. Борхес

Выход за рамки такой методологии, подсказанный опытом взаимодействия различных социальных систем в XX в., состоит в отказе от заранее определенного образа другого. Допущение другого (Ты, 2-го лица) в качестве конструктивной формы (и силы), созидающей социальное взаимодействие (шире — любое взаимодействие), остается принципиальным, но именно в качестве допущения. Само допущение может быть преобразовано в конструктивную форму взаимодействия только в ходе взаимодействия.

Но нет Востока и Запада нет, нет границ у племен земли,
Когда сильный и сильный лицом к лицу стоят, хоть откуда
пришли.

Р. Киплинг

Как в случае, когда внимательное отношение к оригиналу приводит к преодолению затверженного стереотипа («Запад есть Запад, Восток — Восток, пути их не совпадут...» — это только первая строчка баллады), так и допущение *другой* — *лишь первая гипотеза*, обретает содержание и сбрасывает униформу по ходу конкретного выявления другого как особой формы и логики. От постулирования различий необходимо продвигаться к особому способу бытия другого — это не только гносеологическое, но и онтологическое условие продуктивного или хотя бы безопасного для обеих сторон взаимодействия. Другой открывается в логике взаимодействия, его форма выявляется взаимодействием, и только в ходе такого становления мы получаем возможность с достаточным основанием говорить о другом.

Если для классики и исходящих из ее положений феноменологических концепций социальности была характерна трактовка другого как *своего-другого*, то для современной метафизики специфическим оказывается установка на *не-своего-другого*, т. е. на другого, бытующего не по уже известным, а по своим собственным меркам. Знание и понимание нами этих мерок, т. е. выстраивание нами деятельности в соответствии с ними, и свидетельствует о том, что в наше бытие включается другой, а мы получаем какую-то возможность полагаться на бытие другого, как на наше.

Отметим, что особенность другого далее не трактуется по схеме описания особенностей человеческого индивида, ибо другим может быть и комбинированный, групповой субъект со своими специфическими структурами и собственными (внутренними) взаимодействиями, более того — природный объект или объект неведомой нам природы. Вместе с тем подчеркнем, что когда мы имеем дело с культурными и социальными системами, в определении их инаковости мы не можем миновать индивидуальные (личностные) формы их бытия. Сколь малооправданным оказывается суждение о Востоке по отдельному афганцу, персу или турку, столь же бесперспективным является суждение о нем безотносительно к конкретной характеристике регионов, систем и людей, его представляющих.

Метафизика опосредований и дальностей

Антропоцентризм и феноменологизм предшествующих концепций взаимодействия более всего проявился в постоянном сведении разнообразных социальных контактов к формам человеческого общения, а последнего — к общению непосредственному, к взаимодействию «face to face», «side by side» — как сказали бы американские интерпретаторы социального действия. Но для трактовок социальных взаимодействий, содержащих в своей основе такие редукции, проблема понимания не-своего-другого сильно затруднена. Их недостаточность обнаруживается уже на уровне задач объяснения опосредованного общения между людьми. Возникает вопрос: как людям удастся транслировать свой опыт не только в пространстве (причем в пространстве, значительно превышающем поле непосредственного взаимодействия), но и во времени.

Нет особой нужды доказывать, что ныне проблема толерантности в значительной степени определяется теснотой контактов между большими социальными и культурными системами, регионами и цивилизациями. Но эта теснота носит метафизический характер, ибо на уровне человеческих индивидов такие контакты реализуются как дальноедействия, как опосредованные воздействия, как необходимость считаться с другим на расстоянии и во времени. Собственно говоря, значение опосредованных взаимодействий, т. е. отношений, понимали уже в индустриальном обществе. Но сейчас их экономический, культурный, информационный, политический смысл начинает доходить до каждого индивида.

Метафизика конкретного синтеза

Классической метафизике соответствует простая кооперация человеческих сил и соответствующая методология редукционизма. Современная метафизика связана со сложнейшими формами кооперации людей, действующими, например, по типу *invisible college*, когда люди объединяют разделенные в пространстве и времени действия для решения общей научной, экономической, культурной задачи или для устранения конфликтной ситуации. Ситуация не предшествует результату, ситуация является результатом — результатом процесса, в котором его участники представлены своими качественно особыми вкладами, каждый из них в отдельности непредсказуем, но они изначально объединены общей задачей или проблемой. Метафизика такого процесса не существует *argiory*, она существует только в процессе кооперирования качественно различных вкладов. Это — не метафизика *argiory* (какое бы *argiory* мы ни имели в виду: логико-гносеологическое, языковое, коммуникативное), это — метафизика конкретно складывающейся полисубъектности, где сами реализующие деятельность субъекты оказываются много весомее исходных метафизических установок. Эта метафизика проста, как любой проходящий в обыденных заботах день. И она необычайно сложна, потому что ею связываются все новые, вовлекаемые в деятельность субъекты, несущие в себе разнообразие социальных типов, культурных эпох и повседневных, но отнюдь не обычных интересов и страстей.